

Е.В. Пчелов

Скандинавская геральдика в территориальной символике России XVI–XVII вв.

Впервые опубликовано в: Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания. Материалы XXI Международной научной конференции. Москва, 29–31 января 2009 г. / РГГУ, ИАИ, кафедра ИВИД. М., 2009. С. 300–303.

Военно-политические, дипломатические и династические отношения России со скандинавскими странами получали воплощение и на символично-эмблематическом уровне, в том числе в российской территориальной геральдике, гербы которой входили и в состав государственных гербов, отражавших царский/императорский титул и территориальные владения российских государей. Первые следы скандинавских геральдических эмблем в русской земельной геральдике исследователи усматривают ещё в XVI в. Так, Дж. Линд связал появление некоторых эмблем новгородской «печати» эпохи Ивана Грозного с территориальными притязаниями времён Ливонской войны (прототипами здесь могли служить гербы Нарвы, шведских провинций Тавастия, Северный Финн), однако, это мнение является спорным (см. работы Г.И. Королёва). Более показателен тот круг русских земельных (титульных) эмблем («печатей», гербов), который сложился к концу XVII в. В наиболее законченном виде он, как известно, представлен в «Титулярнике» 1672 г. Ряд эмблем «Титулярника» восходит к более ранним русским «образцам» XVI в., часть формировалась на протяжении XVII в., ещё одна часть, по-видимому, была разработана непосредственно в процессе подготовки этого труда в Посольском приказе. Серьёзного исследования европейских эмблематических источников древних русских земельных гербов, по сути, не проводилось. Анализ подменялся утверждениями, что, например, «в любом западноевропейском гербовнике, где собраны городские и земельные гербы, можно встретить агнца с хоругвью и оленя» (Н.А. Соболева; речь идёт о Болгарском (имелась в виду Волжская Болгария) и Нижегородском гербах). Между тем, можно полагать, что сам принцип презентации титула (и соответственно государства) через комплекс земельных гербов (представленный ещё на Большой печати Ивана Грозного конца 1570-х гг.) опирался на европейскую традицию, существовавшую у ряда соседних с Россией государств, взаимоотношения с которыми были достаточно интенсивными. В качестве таких систем-«прототипов» могли выступать титульные территориальные гербы Священной Римской Империи Германской нации, Речи Посполитой, Шведского и Датского королевств. Поэтому сопоставление эмблем «Титулярника» с титульными эмблемами этих стран выгля-

дит вполне оправданным. Основаниями к такому сопоставлению служат прежде всего: 1. Геральдический характер русских земельных эмблем, понимавшихся и воспринимавшихся именно в качестве гербов (ср. древнерусское «Описание гербам»); 2. Рассмотрение комплекса этих гербов именно как *системы*, а не механического объединения разнохарактерных эмблематических изображений.

Сравнение эмблем «Титулярника» с гербами Священной Римской Империи, Речи Посполитой и Датского королевства не дало ощутимых результатов (естественно, гербы земель Речи Посполитой, на которые претендовала Россия, присутствовали в «Титулярнике», но это были не «исконные» русские титульные гербы). Иная картина обнаруживается при сопоставлении со шведской титульной земельной геральдикой. Вне всякого сомнения, шведские титульные гербы (как и подобные гербы других стран) были хорошо известны сотрудникам Посольского приказа. Гербы шведских земель имеются, например, на грамотах шведских королей конца XVII в., хранящихся в РГАДА. При сопоставлении этих гербов с гербами «Титулярника» в ряде случаев обнаруживаются очевидные аналогии.

Ряд аналогий носит «прямой» характер. Герб шведской провинции Лапланд (Лаппония, Лапландия) соответствует российскому Кондинскому (Кондийскому) гербу («Человек наг с палкою в травном венце» по русскому «Описанию гербам», т.е. дикий лесной человек (сильван) с дубиной). Так в европейской геральдике обозначали крайне северные, удалённые, «дикие» области. Герб Готланда очень близок гербу Болгарскому – «Агнец с прапором».

Некоторые геральдические эмблемы схожи, но заимствование не столь очевидно. Очень близки эмблемы шведских провинций Вестерботтен (Западная Ботния), Естрикланд (Гестриция), Аланд (Аландия, Аландские острова) и Эланд, с одной стороны, и гербы Ростовский и Нижегородский (лось и олень), с другой. Сама геральдическая форма изображения эмблем (фигура с поднятой одной из передних ног) находит соответствия уже в земельных эмблемах Большой печати Ивана Грозного, где имеются прототипы позднейших земельных гербов (на Большой печати – это «печати» Нижегородская и Кондинская).

Наконец, наблюдается сходство и в некоторых отдельных элементах гербов (носящих, возможно, общегеральдический характер). Эти аналогии присутствуют в гербах провинции Даларна (Далекарлия) и царства Сибирского (перекрещенные стрелы с короной над ними), Вестманланда и Иверской земли (Кахетии) (вулкан: «две стрелы накрест, вверх копий, наверху огонь»), Нерке (Нериции) и Кабарды (две перекрещенные стрелы с четырьмя розами (Нерке) или с тремя звёздами (Кабарда: «Две стрелы, посреди их луна наверху и по сторонам три звезды»)). Эти аналогии не столь очевидны, а, учитывая чисто композиционное сходство и наличие других элементов, выглядят весьма косвенными. Тем не ме-

нее, в остальных, вышеназванных случаях такое эмблематическое влияние шведской земельной геральдики на русскую можно полагать весьма вероятным. Конечно, аргументировать это влияние на более глубоком уровне можно только после комплексного и детального анализа всех земельных эмблем «Титулярника».

© Русская антропологическая школа, 2009